

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УТОЧНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Проблема уточнения значений юридических терминов обычно относится к сфере языка права. Языком права специалисты называют профессиональный язык юриспруденции, возникший на основе литературного национального языка [1, 5].

Язык права включает в себя разнообразные подязыки: язык законодательства и подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики, язык юридической науки и юридического образования, язык юридической журналистики и т. д. В свою очередь, каждый из этих подязыков подразделяется на языки гражданского, уголовного, международного и т. д. права, языки соответствующих видов судопроизводства и т. п. [там же]. Полифония подязыков права дополняется ситуативной вариативностью значений, их зависимостью от реальных практических взаимосвязей и нормативных контекстов — непосредственных и опосредованных.

Все это вызывает закономерный вопрос: имеет ли смысл проблема, обозначенная в заглавии статьи? Не пора ли признать замену «железной» логики понятий «чистой» конвенцией относительно слов? Положительному ответу на этот вопрос, казалось бы, способствует постмодернистский культ многообразия, плюрализма и субъективности.

Точка зрения, излагаемая в данной статье, может быть обозначена принятием следующих трех основных пунктов.

1. Задача уточнения значений юридических терминов выходит далеко за пределы собственно языковой проблематики и зависит от принятой общей концепции права.

Вполне можно согласиться с мнением В. Д. Каткова, высказанным еще в начале XX века: «Задача юриста относительно терминологии в том и заключается, чтобы найти в сокровищнице существующих способов выражения такой, который с наибольшей точностью и определенностью мог бы передать наши идеи» [2, 65]. Признавая изменчивость значений слов, в том числе и юридических терминов, этот автор считал основой их определенности понимание сущности самого права, принятие некоторых исходных правовых идей. Правда, могут возразить, что идеи права тоже являются текучими и сугубо конвенциональными. Однако практика показывает, что даже самый радикальный культ изменчивости и плюрализма рано или поздно заканчивается осознанием значимости единства, осознанием того бесспорного обстоятельства, что это единство, во-первых, существует не вопреки, а благодаря разнообразию, гибкости, вариативности, а во-вторых, является необходимым условием самосохранения права. Самосохранение права, в свою очередь, зависит от его способности обеспечивать хотя бы относительное равновесие противоположно направленных

целей, ценностей, тенденций, функций в бытии общества и личностей, его составляющих.

Появление такого направления современных исследований как общая теоретическая юриспруденция свидетельствует о движении в направлении к единству знаний о праве, к единству в его понимании и применении. Все это требует принятия общих организующих идей и принципов; последние невозможны без относительно устойчивого категориального базиса юриспруденции, без выработки подвижной, меняющейся, но сохраняющейся системы ключевых понятий. Среди целей общетеоретической юриспруденции не случайно указывается «определение наиболее общих понятий, используемых в профессиональной юридической деятельности» [3, 9]. «Наиболее общие понятия», в свою очередь, могут быть упорядочены по степени общности, по степени значимости, по степени устойчивости своих значений. В лингвистике, в частности, различают глубинную и поверхностную семантику языковых выражений. Существует глубинная семантика внутриязыковая — это инвариант преобразований, производимых в границах данного языка, — и универсальная глубинная семантика, включающая инварианты, сохраняющиеся при переводе на все языки. Язык права оперирует значениями всех уровней семантики; уточнение юридических терминов также может производиться как на поверхностном уровне, так и на глубинных. При этом важно прислушаться к мнению М. В. Поповича о том, что реальная экономическая, политическая, правовая, социальная, культурная жизнь общества опирается на такие структуры с глубинной семантикой, которые нельзя свести к одному, монистическому измерению (только экономическому или только правовому, например); пришло время нелинейных, многомерных картин человеческого бытия. Это должно отразиться и в трактовке языка права.

II. Даже если рассматривать проблему уточнения юридических терминов как проблему языка права, то при этом должна быть принята расширенная системно-коммуникативная модель языка.

Эта модель предполагает:

- учет трех измерений языка: синтаксиса, семантики и прагматики;
- коммуникативное понимание языка, в котором «трехмерность» языка усложняется за счет выделения подсистем «говорящего», «слушающего» и их взаимодействия;
- различение степени устойчивости / изменчивости, эксплицитности / имплицитности принятых способов выражения значений терминов.

Контуры такой системно-коммуникативной модели языка были намечены нами в [5]. В соответствии с этой моделью в языке права следует различать по меньшей мере три подсистемы: подсистема созидания права, его построения; подсистема правоприменения; подсистема синтеза двух первых подсистем в правовой коммуникации, в реальном взаимодействии законодателя, интерпретатора, юриста-практика. Именно третья подсистема может задавать «ядерные» и «глубинные» смыслы, которые соответствуют уровню общетеоретической юриспруденции. Уточним, что разграничение «ядерных» и «ситуатив-

ных» смыслов юридических терминов касается оси устойчивое / изменчивое, а выделение «глубинных» смыслов связано с большой степенью общности; с большой степенью значимости не только в трехмерном пространстве языка, но и в многомерном пространстве культуры; а также с большой степенью имплицитности, с отсутствием прямого указания на них в единицах и текстах принятого языка права. По большому счету, все «глубинные» смыслы относятся к «ядерным», но не наоборот. «Ядерные» смыслы реализуются только будучи дополняемыми, корректируемыми в конкретных коммуникативных ситуациях; они почти никогда не реализуются как нечто неизменное; они приобретают свой полный смысл только в соединении со смыслами «ситуативными» [6]. Изучение механизмов синтеза «ядерных» и «ситуативных» смыслов юридических терминов в реальном функционировании права, как представляется, — одно из перспективных направлений в изучении языка права. «Ядерные» смыслы по сути соответствуют такой форме мысли, как понятие. Вот почему, уточняя устойчивое значение юридических терминов, нельзя обойти вниманием вопрос об определении (дефиниции) понятия.

III. Современное логическое учение об определении (дефиниции) понятий нуждается в обновлении, в уточнении и дальнейшем развитии, главной целью которого является приближение к процессам коммуникации, в том числе к современным коммуникативным дискурсам в юриспруденции.

Ниже остановимся несколько подробнее на раскрытии именно последнего пункта нашей позиции.

Разногласия относительно самой сути определения достаточно велики: одни признают определение операцией по уточнению содержания понятий (традиционная точка зрения); другие — процедурой уточнения содержания имен; третьи — операцией по уточнению значения слов, имеющей внелогический характер; четвертые относят дефиницию к сфере гносеологии и методологии познания. Например, в учебнике Е. К. Войшвилло и М. Г. Дегтярева определение относится к приемам познания и состоит в установлении или уточнении связей языкового выражения с тем, что оно обозначает вне языка. «Это не операция с понятиями, а операция со словами, с выражениями языка» [7, 248–249]. Главный аргумент, который при этом подразумевается: определение — это не формализованная, а содержательная процедура. Однако с этим трудно согласиться, поскольку на самом деле определение, особенно в специализированных областях познания и практики, к каковым относится и юриспруденция, — это особая разновидность формализации. Здесь осуществляются все основные функции формализации, в частности, ее главная функция — репрезентация некоего целого с помощью его части — четко выделенной и зафиксированной с помощью определенных знаковых средств. Опираясь на системную коммуникативную модель языка, понятием будем называть принятое коммуникантами устойчивое единство термина (знака) и его смыслового, предметного и прагматического значений. Системообразующим в этом единстве является смысловое значение, включающее в себя комплекс общих, существенных признаков; производным от смыслового является предметное значение, то есть класс

предметов, этими признаками обладающих. Прагматическое значение связано с указанием целей, задач, ситуаций, от которых зависит способ употребления понятия, в том числе способ его введения, уточнения, понимания.

Сущность определения состоит в уточнении понятия как целостности, включающей указанные выше компоненты. Определение является полным, если оно явно раскрывает и смысловое, и предметное, и прагматическое значения термина, а также их взаимосвязь. Частичное определение имеет место тогда, когда явно уточняется лишь некоторая часть перечисленных компонентов. Остальные компоненты могут мысленно подразумеваться — и в этом случае определение является редуцированным, свернутым. Обычное понимание определения как логической операции, уточняющей содержание понятия, будем называть собственно определением или главным видом частичных определений. В качестве других случаев частичного определения можно назвать остенсивные определения, которые раскрывают (задают) предметное значение термина, а также номинальные определения, уточняющие исходный языковой смысл термина; этот языковой смысл может иметь прямое или косвенное отношение к предметному, смысловому или прагматическому значению термина как знака понятия.

Сочетание и реальных, и номинальных определений является типичным при уточнении терминов, имеющих иностранное происхождение. Например: «Імпічмент (англ. impeachment, від старофранц. empeechment — осуд, обвинувачення) — особливий порядок (процедура) обвинувачення посадових осіб держави (президентів, міністрів, суддів та ін.), передбачений конституціями ряду країн» [8, 63]. Здесь первая часть текста — номинальное определение, поскольку здесь указывается языковой (словарный) смысл термина в английском и старофранцузском языках. Вторая часть — собственно определение, реальное, так как здесь уточняются общие, существенные признаки реальной юридической процедуры.

Функцией быть знаком понятия обладают далеко не все слова. Для нас существенно отметить, что определение возможно лишь там, где есть понятия. Уточнение смысла слов естественного языка, не являющихся терминами, обозначающими понятие, к определению не относится. И в этом случае уточнение термина не регулируется правилами определения, например, правилом соразмерности. Это касается описания, указания, характеристики, сравнения и других способов уточнения значений терминов. В юриспруденции часто употребляются остенсивные определения: скажем, понятия «наследники первой очереди», «уполномоченное лицо» и т. п. определяются путем простого полного перечня всех тех категорий лиц, которые составляют предметное значение (объем) данного понятия. Перечень этот должен быть исчерпывающим, то есть удовлетворять главному логическому правилу определения — правилу соразмерности. Для сравнения: формулировка «наследники первой очереди — это, например, дети» — не определение, а прием, его заменяющий, — указание. Если же его отнести к остенсивным определениям, то оно будет явно несоразмерным.

Отметим, что в юриспруденции раньше, чем в логике, осознана необходимость уточнения прагматического аспекта определений и, в частности, учиты-

важется важность принятия юридическим социумом наиболее важных определений. Именно на основании анализа юридических практик было предложено выделить новый вид определений — арбитражных определений [9, 205].

Подводя итог рассмотрению определения как операции, уточняющей значение «ядерных» смыслов юридических терминов, отметим следующее.

— Полная, эксплицитная дефиниция уточняет (или задает) все перечисленные выше компоненты понятия. Редуцированные варианты определений могут эксплицитно представлять какую-либо часть этих компонентов, делая остальные имплицитными, но поддающимися мысленной реконструкции. Самый информативный, системообразующий элемент понятия — его содержание, которое детерминирует остальные элементы. Прагматический аспект понятия реализуется в определении лишь через выбор смыслового и предметного значений.

— Редуцированные варианты дефиниций отличаются от приемов, заменяющих определение, тем, что в них соблюдаются правила определения. Например, остенсивные определения должны соответствовать правилу соразмерности, в отличие от такого приема, как указание.

— Любая дефиниция должна быть легитимной (принятой всеми коммуникантами), репрезентативной (обеспечивающей однозначность идентификации данной предметной области), конструктивной (позволяющей понять, запомнить и практически применять данное понятие), целостной и не слишком сложной. Эти качества определения могут быть подтверждены или опровергнуты только в процессах коммуникации адресанта и адресатов.

— Чем более общими и абстрактными являются определяемые понятия, тем более проявляется их зависимость от системы языка и тем сильнее становится опасное искушение отождествить определение понятия с языковым выражением. Но юридическое понятие — структурированный внешне и внутренне квант мысли, зависящий от системы правосознания и юридической практики значительно больше, чем от системы принятого языка права. Вот почему в полной мере уточнить юридическое понятие означает установить не только его ядерный смысл, но и его связь с другими сосуществующими юридическими понятиями, а также с целостным смысловым полем правосознания.

В качестве перспективы дальнейших исследований в юридической логике можно указать на необходимость разработки более четкой и полной классификации видов определений юридических понятий — как полных, так и частичных — с учетом всех компонентов понятия: и термина-знака понятия, и всех трех указанных видов его значения. В частности, собственно определения могут быть разделены на целый ряд вариантов по типу существенных признаков, в них зафиксированных. Полное определение в виде одного высказывания-равенства построить вряд ли возможно. Скорее всего, это будет мини-текст, система высказываний. Весьма продуктивной была бы разработка структуры подобных мини-текстов.

Литература

1. Титов В. Д., Зархина С. Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права: Монография. Изд. 2-е, доп. и перераб. — Харьков: Изд. «Финн», 2011. — 560 с.
2. Катков В. Д. Наука и философия права. Берлин, 1901. — 115 с. // Приложение к книге: Титов В. Д., Зархина С. Э. указ. соч. С. 374–394.
3. Оборотов Ю. Н. Общетеоретическая юриспруденция как наука и учебная дисциплина // Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник. Од.: Феникс, 2011. — 436 с.
4. Попович М. В. Бути людиною. — К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2011. — 223 с.
5. Сумарокова Л. Н. Системность языка: ее аспекты и уровни // Параметрическая общая теория систем и ее применения. Сб. трудов, посв. 80-летию проф. А. И. Умова под ред. А. Ю. Цофнаса. Одесса: Астропринт, 2008. — 248 с. С. 89–106. См. также: О соотношении простоты и системности в лингвистических теориях // Системный анализ и научное знание. — М.: Наука, 1978, С. 186–201.
6. Матюшина И. И. Коммуникативная природа смысла. Автореф. канд. дис. — Одесса, 2007.
7. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М.: Владос, 2001. — 528 с.
8. Юридична термінологія. Довідник. К.: Юрінком, 1998. — 224 с.
9. Титов В. Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. Вып. 3. С-Пб, 2005. — С. 197–205.

Аннотация

Сумарокова Л. Н. Логические проблемы уточнения значений юридических терминов. — Статья.

Проблема уточнения значений юридических терминов, с точки зрения автора, предполагает а) опору на общую концепцию права, б) принятие системной коммуникативной модели языка права и в) обновление, уточнение и развитие логической концепции определения. Определение понимается как операция, уточняющая взаимосвязь смыслового, предметного и прагматического значений термина. При этом в определении учитываются преимущественно «ядерные» коммуникативные смыслы.

Ключевые слова: системно-коммуникативная модель языка, понятие, определение понятия, полные и частичные определения, «ядерные» и «глубинные» смыслы.

Анотація

Сумарокова Л. М. Логічні проблеми уточнення значень юридичних термінів. — Стаття.

Проблема уточнення значень юридичних термінів, з точки зору автора, передбачає а) опору на загальну концепцію права, б) прийняття системної комунікативної моделі мови права та в) оновлення, уточнення та розвиток логічної концепції визначення. Визначення розуміється як операція, що уточнює взаємозв'язок смислового, предметного та прагматичного значень терміну. При цьому у визначенні враховуються переважно «ядерні» комунікативні смисли.

Ключові слова: системно-комунікативна модель мови, поняття, визначення поняття, повні та часткові визначення, «ядерні» та «глибинні» смисли.

Summary

Sumarokova L. N. Logical problems of specification the meanings of the juridical terms. — Article.

The problem of specification the meanings of the juridical terms, by the author's point of view, assumes a) the support on the general conception of law, b) acception of the system-communicative model of law language and c) renewal, specification and development of the logic conception of definition. Definition means as an operation that specifies connection of intensional, extensional and pragmatic meanings of term. Stable communicative senses use in definition most of all.

Keywords: system-communicative language model, concept, definition of concept, complete and partial definitions, stable and fundamental senses.